Игрушка для богатырей

Тульское объединение «Детская игрушка» выпускает детскую гармонь под названием «Гармонь меховая».

Приложена к гармони инструкция, рекомендующая пользоваться ею в микроклимате со строго ограниченными атмосферными параметрами. Чтоб было не ниже +14°С и ровно 60% влажности.

Чтоб не было дождя, снега, тумана и вообще сырости. Но чтоб и ничего теплого поблизости не имелось вроде каких-нибудь отопительных приборов. И уж заодно чтоб не допускалось ударов и толчков.

В общем, не гармонь меховая, а точнейший капризно-электронный прибор. В специально оборудованной лаборатории на ней бы играть.

Тем более что в обычном-то климате растянуть ее ребенку не под силу. Это могут сделать либо родители, взявшись за гармонь с двух сторон, как при перетягивании каната, либо один могучий человек — Василий Алексеев.

Е. КТОТОВ.

Наглядный пример

Нет, перед вами не остатки древней цивилизации инков или ацтеков, не постройки времен Пунической войны и даже не развалины средневекового замка именитого пса-рыцаря. Перед вами зачатки строения, более близкого нашей эпохе. Точнее говоря, лет десять назад по почину местных властей решено было построить в селе Починки, Горьковской области, современную баню. Старая баня-развалюха была тесна и неуютна.

Строители ретиво взялись за работу: отгрохали первый этаж, настелили полы, вставили рамы, сделали потолок. Однако вскоре после этого стройка как-то завяла, зато бодро и весело расцвел бурьян.

За прошедшие годы неизвестные злоумышленники успели растащить государственные стройматериалы в свои индивидуальные норы: пропали рамы, исчезли полы, разобрано потолочное перекрытие...

Итак, перед вами не остатки древней цивилизации, а наглядный пример современной бесхозяйственности.

В. ИВАНОВ.

Мимо ворот

С помощью клюшки шайбу можно забросить даже в ворота соперника, не говоря уже о трибунах для публики. Но не дальше.

А если надо закинуть шайбу из средней полосы европейской России на Урал? Вот так, просто: р-раз — и там?

Уточним: партию шайб (иначе — капроновых уплотнителей для транспортерных роликов) потребовалось забросить из города Губкина, что в Белгородской области, в город Первоуральск, что близ Свердловска.

Клюшки отложили в сторону, взяли самолет, который, как известно, сокращает время и расстояние. Начали вбрасывание. Команды изготовились к бою, зрители на трибунах волнуются. Удар! Мимо... Самолет почему-то приземлился в московском аэропорту Быково.

Первоуральцы — туда. Шайбы нет. После серии поисков шайба, точнее — шайбы нашлись. Еще удар! Самолет почему-то приземляется в Иванове.

М-да... Первоуральцы отряжают туда своего лучшего бомбардира. Бомбардир находит шайбы и... Нет, это какое-то роковое невезение: самолет приземляется в Уфе.

...В общем, матч закончился убедительной победой. Победили не губкинцы, не первоуральцы и не дружба. Победил Аэрофлот. Для доставки шайб ему понадобился целый месяц с лишним.

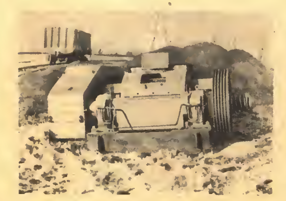
Правда, был сорван срочный заказ, и шахты Украины не получили вовремя известного количества горных машин, но это уже детали.

Ю. Б.

Прогресс в тупике

Научно-техническая революция не обошла поселок Хор, расположенный в Хабаровском крае. Она ворвалась на территорию кирпичного завода и возбудила в директоре А. Е. Белом и главном инженере Д. И. Масловском порыв к прогрессу. После короткого, но бурного совещания было решено заказать новое оборудование, которое отвечало бы задачам и требованиям.

И вот оборудование прибыло. Оборудование называлось дискозубчатой дробилкой. В ней был овеществлен технический прогресс. Кроме того, она была изготовлена из довольно дефицитного металла.

Но, увы! Местные научно-технические революционеры, видимо, несколько приустали от своей кипучей деятельности. А может быть, их обуревают новые, еще более прогрессивные идеи и замыслы.

Так или иначе, но, как сообщают нам члены группы народного контроля Хорского гидролизного завода А. Фадеев и В. Луговой и как свидетельствует фотоснимок, дискозубчатая дробилка больше не волнует руководителей кирпичного завода. Они к ней остыли. И в таком остывшем состоянии находятся почти два года. А прогрессивная дробилка валяется в тупике у гидролизного завода и прогрессивно превращается в металлолом.

Ю. ТРАВИН.

ЗАПУСТИЛИ

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Вл. КАПНИНСКИЙ

несуны

— Здорово, сват! Куда спешишь, приятель!
— В «Электросвет», сломался выключатель,
И лампочек в запасе дома нет.
— Постой, да на учет закрылся «Свет».
Но я тебя уж выручу, спасу,
С работы эту мелочь принесу!

— Свояк, привет! Не виделись с полгода!
— Все некогда! Вот шланг для огорода
Купить собрался, в магазин иду.
— Не покупай такую ерунду!
Бутылку ставь, закуску — колбасу.
Я шланг тебе с работы принесу!

— Приветствую вас, тетка Пелагея!
Гляжу на вас и каждый раз жалею:
Несете, что ни день, по кирпичу...
— В сарае стенку выложить хочу.
— Сказала б мне, живем-то не в лесу,
Да я панель со стройки принесу!

— Здорово, брат! Ты что же не заходишь!
Баранку крутишь всё, машину водишь!
— Какое! Нету шины к колесу..
— Да я тебе с работы принесу!
Казенную! Уж ты ль мне не родной!
А ну-ка подожди за проходной!..

Над ним недавно состоялся суд.
С тех пор все стало выглядеть иначе:
Из дома в «дом казенный» передачи
Теперь родные для него несут.

Леонид ЛЕНЧ

(Из рассказов Тертого Калача)

— До своего ухода на пенсию работал я в одном почтенном городе, известном своими славными литературными традициями, в одном толстоватом журнале на должности скромной и малозаметной... не будем уточнять, на какой. В конце концов лишь одно место, как известно, красит человека, а не наоборот — только что обработанная малярами скамейка в сквере, на которую они забыли положить плакатик с надписью: «Осторожно! Покрашено». Прошу прощения за эту старую остроту.

Редактировал журнал некто Сугубов Андрей Петрович — представительный мужчина: лоб, как у древнегреческого философа, брюхо фальстафье, голос зычно-повелительный, как у полковника Скалозуба — героя бессмертной комедии. В редакции у нас его звали просто — Сократ.

Я в редакции дружил с молодым писателем Юрой Топчиковым, он у нас заведовал прозой и, ценя мой житейский и редакционный опыт, частенько давал мне читать сочинения, поступавшие в журнал и казавшиеся ему сомнительными.

— Прочтите, Терентий Терентьевич, и скажите мне свое мнение. Что я должен, по-вашему, ответить автору: да или нет?

Я прочту и говорю:

— Дорогой Юрочка, во дни моего невозвратного золотого детства играли мы, дети, да и взрослые вместе с нами, в такую незамысловатую игру — в фанты. «Барыня прислала сто рублей, «да» и «нет» не говорить, «черного» и «белого» не покупать». Вот и вы сыграйте в фанты с этим автором: не говорите ему ни «да», ни «нет». А рукопись верните на доработку.

Юра вздыхает:

— Они все хотят конкретных указаний, Терентий Терентьевич: что именно надо доработать, зачем и для чего...

— Мало ли чего они хотят! Он творец прекрасного? Творец! Или считает себя таковым. А прекрасному нет конца, отсюда вывод: доработка — дело священное! Впрочем, шучу!..

Однажды прихожу я в редакцию и вижу такую картину: сидит Юра Топчиков за своим столом, читает толстенную рукопись и не то мычит, не то стонет, покачивая корпусом так, словно у него печенка разыгралась.

Поздоровался, спрашиваю:

— Что с вами, Юра? Заболели?

— Здоров, как телок на выпасе.

— Почему же тогда вы так страдальчески мычите?

Отвечает:

— Я потому так страдальчески мычу, что не знаю, что делать с рукописью романа Серафима Культягина «Большие температуры».

— Отдайте ему его «Температуры» на доработку, и пусть он ее или снижает или поднимает — это уж его дело!

— Не могу. Сократ требует, чтобы я немедленно сдавал Культягина в набор. Он убежден, что мы угадаем с его романом прямо в сердцевину яблочка. Роман на производственную тему, в нем тьма терминов, которых я не знаю и не понимаю, да и конфликт построен на некой, образно говоря, гайке, которую герой романа поворачивает, допустим, налево, хотя это обычно ее поворачивают направо, и выигрывает бой с консерваторами и трусами. Я не консерватор и не трус. Но, может быть, гайку по технике надо... того... действительно направо, а?..

— Дайте роман специалистам на отзыв. Они вам эту символическую гайку разъяснят досконально. Чего проще!

— Я же вам говорю: Сократ требует немедленной сдачи в набор!.. Будь проклят тот день, когда я согласился пойти на штатную работу!..

Роман Культягина толкнули в очередной номер и стали ждать появления хвалебных рецензий в периодической печати. Но они что-то не появлялись. Потом поползли неясные слушки, что, дескать, Сократ попал... но не в сердцевину яблочка, а в большой просак.

В тот памятный день я пришел в редакцию не к двум часам дня, как обычно — с предварительным заходом в пивной бар на нашей улице, место наших постоянных встреч и свиданий,— а к одиннадцати утра. Сердце-вещун утром рано простучало: иди, Терентий!

Пришел и застал в редакции большой переполох с тревожным мушиным жужжанием в каждой комнате. Что такое? Я — к Юре Топчикову.

— Что случилось, Юрочка?

— Случилось то, что должно было случиться! — довольно спокойно говорит Юра.— Нам крепко выдали в газете за «Температуры» Культягина. Именно за то, что меня и смущало: за техническую безграмотность. Статью написал критик Волченков, я его знаю — способный парень. Он нам всыпал по первое число. Не надо, мол, было публиковать сырую, недоработанную, хотя и где-то интересную вещь. Сократ приказал свистать всех наверх. Идемте!

— Меня же не звали, Юрочка!

— Ничего, пошли!

Совещание в кабинете редактора началось сравнительно тихо и мирно, а кончилось скандальным штормом в двенадцать баллов. Сократ выступил первым, он сказал, что критик Волченков перегнул палку и раскритиковал интересный — это он сам признает! — роман за мелкие, в сущности, огрехи, что он выплеснул вместе с водой из ванночки самого младенца, что надо поставить критика Волченкова на свое место и что он уже говорил «кое с кем» и его «поддержали и одобрили». Кое-кто из наших работников, подхалимствующих перед Сократом, пропел свою арию ему в унисон. А потом слово попросил Юра Топчиков, и штормовой ветер стал крепчать.

Говорил он примерно так:

— Сейчас, когда повышение качества продукции является главной задачей нашей промышленности, вы, Андрей Петрович, пытаетесь замазать и оправдать недостатки литературного произведения, написанного на так называемую производственную тему. Куда это годится! Статья Волченкова — правильная статья, я несу свою долю ответственности за то, что не возражал против опубликования у нас в журнале сырого романа Серафима Культягина, но и вы не должны петлять, как заяц. Имейте мужество признать свою ошибку.

Сократ слушал Юру, не прерывая его, только постукивая костяшками пальцев по столу, багровея и надуваясь, как разгневанный индюк.

Потом он поднялся и сказал:

— Ответьте мне, Топчиков, как поступал капитан корабля, захваченного бурей в открытом море, обнаружив на борту бунтовщика?

— Он или вешал его на рее или высаживал на необитаемый остров! — с вызовом ответил ему Юра.— Повесить вы меня не можете, а с вашего корабля я сам сойду. И не на остров, а на материк. Могу хоть завтра подать заявление.

— Сегодня! Немедленно! — прохрипел Сократ.

Юра встал и вышел из редакторского кабинета.

Через два-три дня в редакцию к нам явился вольнонаемный критик Пичужников, известный в нашем городе как мастер литературного скандала. Писания его отличались всегда удивительной злобностью; наши остряки уверяли, что для поддержания в своем ветшающем организме этой злобы Пичужников питается сырым мясом молодых поэтов. Внешность, кстати сказать, у Пичужникова была при этом самая благодушная — этакий раздобревший и лысый пай-мальчик, в очках, большерукий и большеногий, туфли он носил 46-го размера. Он согласился написать редакционную статью без подписи и разделать Волченкова под орех, но попросил дать ему его досье.

— Помнится, Волченков когда-то допустил в одной своей статье какие-то ошибки.

Ему сказали:

— Это было очень давно, Тимофей Аметистович, все забыто.

— В литературе ничего не забывается и ничего не прощается! — веско сказал Пичужников.

Теперь я позволю себе перейти сразу к эндшпилю этой сложной партии.

Статью, написанную Пичужниковым от имени редакции, Сократ опубликовал в очередном номере журнала, умолив типографию задержать его выпуск на десять дней.

Это был шедевр бездоказательной и злобной демагогии. Недаром, видать, Пичужников рылся в досье критика Волченкова.

Сократ торжествовал, но очень недолго. Через два дня в газете без всяких комментариев было опубликовано письмо... Серафима Культягина! Автор «Больших температур» признавал критику своего романа правильной, благодарил Волченкова за «доброжелательный и конструктивный» разбор его произведения и обещал при подготовке романа к изданию отдельной книгой устранить «замеченные недостатки».

Оказалось, что Серафим Культягин отдыхал где-то на Черном море и там друзья — уж не знаю, мнимые или настоящие — дали ему прочитать газету со статьей Волченкова. Серафим два дня не появлялся после этого на пляже: переживал, обвязав голову полотенцем. А пережив, сел и написал в газету свое признание.

Этим самым он, конечно, сильно подвел Сократа, не предупредив его, что послал в газету письмо, но ведь и Сократ позвал к себе Пичужникова, не получив на это согласия Культягина!.. В общем, они оказались квиты.

После того как Сократ подорвался на собственной мине, ему пришлось быстро покинуть свой корабль.

Он не стал, однако, Робинзоном на необитаемом острове, а устроился настоятелем в какую-то тихую окололитературную обитель.

Я тоже недолго оставался еще на этой литературной палубе и вскоре ушел на заслуженный отдых.

мимоходом

Телеграмма с Марса: „Если у вас на Земле выйдет еще одна книга о гибели цивилизации на Марсе, мы вам покажем...“

В. Коняхин

*

Иные кормятся тем, что едят глазами начальство.

А. Бабыкин

Грамм фимиама убивает человека.

А. Давидович

*

Воспитание иной раз доводит человека до того, что он стесняется говорить голую правду.

В. Ломаный

*

Иногда и голосу совести нужен микрофон.

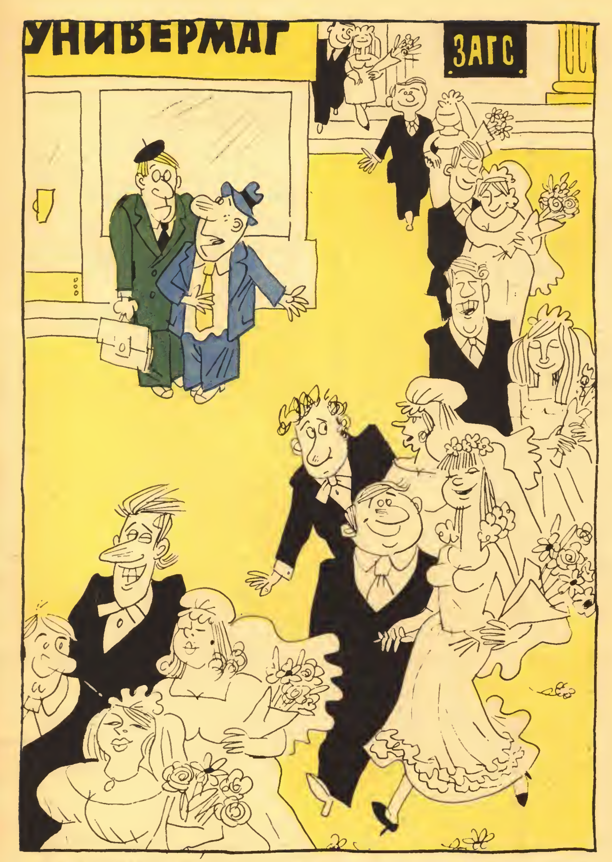
Б. Ноткин

Михаил ВОЛОВИК

Диагноз

К врачам угодил пациент небывалый:
Собой Геркулес, но с рукой однопалой.
И высказал мнение врач пожилой:
«Коллеги, прошу согласиться со мной,
Симптом у него показательный:
Ведь палец, что цел, указательный.
Больной им указывал, им угрожал,
На кнопку звонка то и знай нажимал.
У пальцев других напряжения не было —
Они и отпали, как будто их не было!..»

г. Уфа.

— В месячник вежливости у нас почти все продавщицы повыходили замуж...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Октем ЭМИНОВ

Кто научил?

Сегодил Довлету исполинлось плть!
И времл и место бокалам звучать,
И тосты гремлт по заионам пиров:
— Мужчиной расти! Будь умен н здоров!
— Не зиал печалей, живи до ста лет!
— Живи до двухсот, наш любимый Довлет!

Все сбивчивей речи,
И вот, наконец,
Встает Какабай — юбиляра отец.
Он сыну в стакан наливает вина
И, чокаясь с ним, восклицает:
— До дна!
Джигит облзательно пьет до коица!
Ты должен во всем походить на отца!

Кивнул головою послушиый сынок
И сделал, зажмурившись, первый глоток.
Кривился, сопел, отдувался, спешил,
И все же до напли стакан осушил.
Победа! Восторг восхищенных сердец:
— Ай, умиии! Мужчииа! Джигит! Молодец!

Затихло веселье.
Назавтра с утра
Довлет приглашает друзей со двора.
Пустые бутылии стоят на столе.
«Хозяии» начается навеселе
И громко иричит:
— Что ж ие выпил, сосед?
До дна, говорю! Ты мне друг или нет?!
Давай отирывай! Нaливай! Выпивай!..

Но тут возвратнлсл домой Какабай.
Глаза его сразу полезли на лоб,
Он в гневе сынишку за шиворот сгреб,
На месте в поступие дуриом уличил:
— А ну, отвечай! Кто тебл научил?!..

Перевел с туркменского
О. ДМИТРИЕВ.

А. МОРАЛЕВИЧ

ПРОДАВЦЫ БЕЗ МАГАЗИНА

Конечно же, всякий.

Всякий, кто не в бреду, не покусан сомнительным по здоровью животным, кто политически грамотен и морально устойчив, скажет: я не против плодотворных контактов, где бы они ни наблюдались. Я всеми фибрами «за».

И всеобщая, всеобщая контактность настала кругом. Наводятся мосты взаимопонимания, межведомственные связи. Одним словом, полезное срастание разнородных сфер наблюдаем мы в жизни. И уже хочется потирать от удовольствия руки, а может, даже отправить отклик в газету под заголовком: «Своими руками, без нянек».

Итак, братание, взаимоконтакты, срастание.

И общество, глубоко вжившись в ту мысль, что контакты полезны, что они подлежат лелеянию и охране, поступательно печатало шаг. Как вдруг где-то ойкнул правофланговый, сбилась ритмика шага, все посмотрели в направлении пальца и сразу увидели, что не все контакты полезны, а некоторые спешно надо душить.

Там, в направлении, указанном пальцем, на фоне перистых облаков и весеннего дня, стояли, плодотворно обнявшись, две литые фигуры: спекулянт и торговая сеть.

Ну, провидя крик насчет огульности обвинения, скажем, что не вся торговая сеть спаялась со спекулянтом. Она спаялась на отдельных участках. Скажем, частично срослась в Чите, и вот партия японских обуток, закупленная инициативной гражданкой, которая дружит с работниками прилавка, из Читы, сплавляется на Кавказ. И там, на Кавказе, показывая из-под полы товар, сверкающий, как обнаженные внутренности, называла сбытчица цену — такую цену, что плевать уж на деньги, а только бы хватило слюны их отсчитывать.

Так, вытолкнув осиновый кол из своей могилы, одергивая на себе похабный, битый молью сюртук, поперло, побежало, зашустрило словцо, некогда захороненное отцами без воинских и гражданских почестей: негоция.

— Негоция, братцы, негоция!

Вот были магазины с продавцами. Магазины без продавцов. А ныне с помоечным мушиным гулом ринулись отоваривать тружеников продавцы без магазинов. В торговой сети они закупают цветы, огурцы, чтобы сбыть их по суперценам мурманскам и магаданам.

— Хорошо Плаунову,—тоскует над рюмкой и студнем негоциант Ушач.— У него вестибулярный аппарат, как у зверя. А если я вот полетных ощущений боюсь? То воздушные ямы, то метео-, то техпричины... Мне как быть?

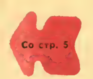
Он находит, как быть. Он срастается с овощным магазином, с директором и ползает, перебирает в магазине картошку. крупные клубни отдельно, мелочь отдельно.

И гля — уже стоит на рынке в торговых рядах псевдоколхозник. В мешках у него отборный картофель. Грубо подделывая речь под крестьянскую, он кричит:

— Однахо, туда-сюда, подходи. Картопля супесная, без удобрений всхоженная, не вонькая.

И, растопыривая кошелку под грохочущий каскад

См. стр. 6

ПРОДАВЦЫ БЕЗ МАГАЗИНА

клубней, думает покупатель, лингвист по профессии: что за странный такой забайкальско-белорусско-онежский говор?

Так создается нехорошее мнение о торговой точке («Тут картофелем торгуют или прыщом сухим?»), и в ущерб репутации госторговли, в ущерб покупательскому бюджету оплывают жирком и овощник и рожденный ползать. Пусть ему не дано летать, как дано Плаунову, но ездить на «Волгах» начнут они одновременно!

Ах, какое негоциантское зудение уже возросло, научилось сидеть в колыбели и даже держать голову! Что, мол, товарищи массы, в результате рекордных вспышек, ловли сайры на свет, обработки металлов алмазами у вас подскочило благосостояние? Вы хотите наилучших, а поэтому пока дефицитных товаров, мебельных гарнитуров, кооперативных квартир, телевизоров, семги?

Идите, массы, сюда, я продам вам с гуманной наценкой очередь на ковер, мебель, автомобиль, холодильник «ЗИЛ». Я знаю также Артура Алферыча, гастрономиста. Человеку с улицы он не доверится, но если вы придете со мной, если не пожалеете пары лишних купюр, вы сможете выставить из «ЗИЛа» на стол коечто попикантней плова из свинины с ячневой кашей.

И грустна быстрота расплода продавцов без магазинов.

Хотя вообще магазин постоянно у них под боком. В магазине, склоняясь над прилавками, носом чертя по стеклу волнистую линию, перемещается покупатель вдоль торгового зала. Ему нужен хороший костюм, книга маршала Жукова, стереопроигрыватель с алмазной головкой, только что освоенный нашей промышленностью, требуется бра из бронзы, кое-что из режущих инструментов...

Но не купить вам в торговой сети хороший костюм, книгу маршала Жукова, мотыля для рыболовной насадки, бра из бро...

Умные люди, глядя на ваши терзания, научат вас, где искать.

— Вы,— скажет умный человек,— если ищете книгу, в книжный магазин по проезду Художественного театра не заходите. Прямо пройдите на Пушкинскую, там вы увидите.

Споро книгочий проходит на Пушкинскую, но на Пушкинской нет ничего, кроме толпы возле Театра оперетты.

«Однако странная же толпа,— в момент отмечает про себя книгочий.— Исключительно старики и мужчины. Может быть, в оперетте премьера чего-нибудь этакого... исключительно для мужчин... с фривольными антраша...»

Ан нет. Пристойные для мужчин и женщин антраша демонстрирует московская оперетта. Толпа же мужчин возле нее — постоянные книжные негоцианты Москвы. Здесь они избрали место для торжищ. Здесь покупатель и продавец от таинственности говорят губы в губы, будто христосуются. Здесь вы купите небывалую в магазинах книгу военачальника, труд по модной тибетской медицине (с указанием самой важной воскресительной точки под носом, только знай, что дави на нее ногтем в моменты сильных душевных волнений), и даже обрисуется возле вас некто, дыша марочным вином и сигаретами «Marlboro», и спросит некто:

— Книгу «Слесарь и Маргарита» не желаете? Тонкая вещь. Сто рублей.

Затем вы поедете на Ленинские горы. Там, в пересечениях местности, обутые в ботинки на рифленой подошве для ловкости лазания по горам, бродят сотни безмагазинных продавцов по части звуковоспроизводящей аппаратуры, магнитных пленок, грампластинок и цветных фотопленок.

Отоварившись тут, мимо Центрального рынка по Цветному бульвару вы пройдете к магазину «Инструменты» и возле входа у нескольких личностей без кассовой очереди и толкотни приобретете инструмент мерительный, режущий, колющий.

А затем, поскольку вы рыболов, вы отправитесь на Тишинский рынок, к магазину «Рыболов-спортсмен». Было бы глупо при нашей возросшей житейской мудрости спрашивать насчет мотыля в магазине. Когда здесь бывает мотыль, его раскупают за пять минут. Но все для вас, сограждане, земляки. И недаром еще потемну, ранним утром в трех десятках московских квартир зажигаются окна. Три десятка мужчин подходят и впериваются в темень окна, изучают погоду, а затем еще слушают сводку: ведь целый день мужчинам торчать на семи ветрах.

Три десятка червячных негоциантов — люди высшей закалки. С семи утра до закрытия рынка, из года в год одни и те же мужчины, они стоят перед магазином рыболовов-спортсменов. И навстречу каждому удильщику — скольжение белой руки за пазуху, в белой руке — шкатулка, а в ней — живые рубины мотыля и жемчуг опарыша. И цены на них — почти как на рубины и жемчуг. Но делать нечего, приходится брать.

Даже вооружившись самой буйной фантазией, вы не убедите себя, что гражданин с холеным лицом и полированными ногтями, продавший вам мотыля по бандитской цене, добыл его сам в результате потных трудов. Что он сам, надев цепи на протекторы личной «Лады», пробивался снегами в чертову глушь и там, сбросив канадскую дубленку на осиновый выворотень, сперва крушил пешней лед над вонючим прудом, а затем, как Дуремар, как болотный бес, по шею в тине и водорослях изымал со дна мотыля.

Нет, ничего не изымал он со дна. Совсем в другом месте получал он товар по четыре рубля за кило, перепродавая по семьдесят.

И вот (в лице сержанта восемьдесят восьмого отделения милиции) грядет через Тишинский рынок возмездие. Смотрите, дети, что сейчас будет. Это немножко жестоко, но это необходимо. Вот товарищ сержант приближается, приближается...

По возможности быстро уберите детей. Не показывайте им, что будет. Это непедагогично. Ибо известен финал. Сержант, как всегда, обогнет толпу продавцов без магазинов и (это уже, вероятно, тишинское наваждение, фата моргана, базарный мираж) кивнет троим, как старым знакомым.

Таково отношение к негоциантам. И разве что самый ревностный участковый применит свирепые меры, перегнав спекулянтское стадо на участок другого милиционера.

И можно его понять, товарищи. Вот если бы провести неделю под девизом «Давайте побудем в шкуре друг друга», вы поняли бы, как трудно бороться с продавцами без магазинов. Ведь они не просто так захребетники и спиногрызы. Ведь не тунеядствуют они и обязательно где-то служат. Кто — сезонным спасателем на водах. Кто — в совхозной печатне редактором текстов «Соленые огурцы» на этикетках для банок. Некоторые — дворниками, и чем им заняться в периоды стабильной погоды?

И продавцы без магазинов от такого закрывания глаз на их мельтешение находятся на большом подъеме, на взлете. И назначенные ведомства вместо жесткой борьбы ведут себя, словно участники авторского концерта, когда певец рукой показывает на композитора и улыбается, поэт показывает на исполнителя и улыбается, композитор аплодирует поэту и улыбается, исполнитель показывает на дирижера, дирижер — на оркестр, и разлито кругом благолепие, как в кругу сплоченной семьи.

Недавно крупно повезло вашему корреспонденту: выпала ему командировка в Минеральные Воды.

Ну, сначала я думал: ах, какая благодать! Попью минеральной водички, потому что где же ей и быть, как не в Минеральных Водах. А потом выяснилось, что это жестокая ошибка, как и многое другое в моей жизни. Здесь не то что минеральной, а обыкновенной-то воды не хватает.

В гостинице первым делом объявление:

К СВЕДЕНИЮ ПРОЖИВАЮЩИХ!
ИЗ-ЗА НЕДОСТАТКА ВОДЫ ПОДАЧА ЕЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ С 23.00 ДО 6.00. ПРОСЬБА НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ В ЭТО ВРЕМЯ ТУАЛЕТАМИ.

Стоит этот сервис два пятьдесят в сутки. Вместе с номером.

— Голубчики,— говорю,— я лучше обойдусь без номера, но чтобы при этом не возникало туалетной проблемы. Нет ли чего другого, попроще?

— В других местах,— говорят,— еще хуже.

Хотел я представить, как это «еще хуже», но не хватило фантазии.

А между тем были не правы эти товарищи: не везде было хуже. Были в Минводах места вольготные для души, и не висели там означенные объявления. Но о них я расскажу чуть позже, а пока должен сообщить: проблема воды еще не самая главная в городе.

Ведущей проблемой в городе, как это ни странно, оказались бродяги.

Я, признаться, сначала даже опешил: какие, говорю, бродяги? Это у Джека Лондона бродяги. А у нас для них нет социальной почвы.

— Да,— говорят,— почвы действительно нет, а бродяги есть. 209-я статья Уголовного кодекса РСФСР. Лица без места жительства.

— Да полно, много ли их? — спрашиваю.— Небось, завелся один какой-нибудь, а вы своим Минводам хотите придать этакий романтический облик...

— Если бы так,— говорит председатель городского суда Николай Михайлович Афанасьев.— Но в прошлом году в городском суде каждого четвертого судили за бродяжничество.

Я даже привстал от удивления. Потому что ничего подобного мне слышать не приходилось.

Боже мой, думаю, как сильна тяга к романтике! Сотни людей, повинуясь тайному зову, бросают насиженные места и катят в неизвестность. Налево Эолова арфа, направо грот Дианы, вот знаменитый «Провал»... Начинается, в общем, прямо как в песне — едем мы, друзья, в дальние края! — а кончается, увы, не менее знаменитым минераловодским приемником-распределителем.

Однако председатель городского суда несколько умерил мое огорчение по этому поводу. Он высказался в том смысле, что среди бродяг не так уж много романтиков чистой воды. А есть среди них пьяницы, а также папаши, спасающиеся от алиментов. И, дескать, именно эти обстоятельства вызывают у них охоту к перемене мест. Но зато всех их объединяют два признака: во-первых, стремление шествовать по жизненному пути, нигде не работая, а во-вторых, отменное здоровье.

Байрам САЛИМОВ

Каков вопрос — таков ответ

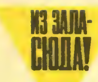
Племянник на листочке из тетради
Послал в аул письмо родному дяде:
«Барашка мне на день рожденья сделай.
Мы, дядя, за тебя поднимем тост!
Пусть будет он не черный и не белый,
Не слишком тонок и не очень толст».

Племянника не видевший семь лет,
Авиапочтой дядя дал ответ:
«Барашек есть. Увидишь ты воочью:
Все качества соединились в нем!
Спеши за ним. Но приезжай не ночью,
Не вечером, не утром и не днем».

Дом и чайхана

Али сидел с друзьями в чайхане.
Ему кричат: «Смотри, твой дом в огне!»
Али, не поднимаясь, говорит:
«Куда спешить? Пускай себе горит.
Вот если бы я дома из окна
Увидел, что пылает чайхана,
Тогда бы я, пожалуй, поспешил
И стойку для бутылок потушил».

Перевел с лезгинского Николай КНЯЗЕВ.

Андрей НИКОЛЬСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

МИНЕРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

И тут у меня, естественно, возник вопрос: поскольку вышеупомянутые романтические личности нигде особо не работают, а также вроде бы особо не воруют, то чем же они живут?

Ну, конечно, пришлось познакомиться с героями. Люди это много повидавшие, и говорить с ними куда как интересно.

Краснов Иван Иванович — большой эрудицин человек. Страну изъездил вдоль и поперек, и впечатлений у него масса. Он ими делится с дорогой душой. Только впечатления у него какие-то узкоспециальные и касаются сугубо одной отрасли: городских свалок. Но зато чувствуется, что этот вопрос он разработал исключительно глубоко.

— Отличная городская свалка,— говорит Краснов,— например, в Батайске... Еще под Харьковом ничего... А в Баку — и говорить нечего — богатая свалка. Только, как ни придешь, занята.

Вот так долго не давалась Ивану Ивановичу его мечта пристроиться куда-нибудь на теплое местечко. Чуть, понимаете, что-нибудь приличное — уже забронировано. Остановился на свалке в Ростове, пожил пару дней. А потом подходят к нему тамошние аборигены, дают хороший совет:

— Ты,— говорят,—родной, давай намыливай отселева. А то в милицию сдадим.

Видали строгости? Приличный человек, не дебоширит, не пьянствует — и на тебе, в милицию!

Наконец прибыл Иван Иванович в Минеральные Воды. Тут аборигенов нету, один сторож в будке ночует. Следит, чтобы свалку не растащили. Но он же человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Особенно если ставить две бутылки портвейна в день. На том и поладили.

Ну, тут, конечно, зажил Иван Иванович на широкую ногу. Первым делом отгрохал себе апартаменты. Конечно, не особняк в стиле барокко, а всего-навсего шалаш из пружинных матрасов, но и то хорошо. От дождя целлофановой пленочкой обтянул, в середину еще матрасиков натащил и живет, наслаждается свободой. Никаких, понимаете ли, туалетных проблем, никаких объявлений! А мне-то говорили, что в других местах еще хуже...

Гардеробом обзавелся. Штаны диагоналевые отыскал, куртку. А спустя некоторое время и выходной костюм спроворил. Все на этой же свалке. Конечно, фрака он не заимел, врать не будем. Но шляпа, галстук и все прочее — это нашлось запросто.

А потом занялся Иван Иванович общественно полезным трудом. По свалочке ходит, бутылочки собирает, моет и тем же шоферам по дешевке отдает.

— Зачем вы у него бутылки брали? Ведь этим вы способствовали тунеядцу! — спрашивали их потом.

А шоферы:

— Мы почем знали? Видим, человек прилично одетый, всегда трезвый... Мы думали, он тут работает.

Но поскольку человек — существо общественное, то одному ему скучно. Стало подбираться общество и у Ивана Ивановича. А поскольку он эрудит и интеллектуал, то и общество у него было такого же пошиба. Гостили у него на свалке и художник, и поэт, и даже какой-то режиссер. Правда, все они были такие же бродяги, как и хозяин, но это дела не меняет.

К тому же Иван Иванович своих друзей подолгу гостить не оставлял. Пособирают бутылочки три-четыре дня, и «прости-прощай, подруга дорогая». Потому — конкуренция. А если кто уж очень проворно бутылочки собирает, то с тем расставались аж на второй день.

И прожил таким манером Иван Иванович на свалке целый год. Причем закончился этот его жизненный этап, можно сказать, анекдотически. Появилась у него конкурентка, некая старушенция, которую он однажды не допустил собирать бутылки. И, видимо, через нее его существование стало известно коммунхозовскому начальству. А начальство, естественно, возмутилось:

— Как? Вокруг Минвод бродяги уже начали дома строить? Взорвать немедленно!

Отправилась милиция ликвидировать зловредное гнездо. Только сразу не нашла. Потому что свалка большая, а шалаш маленький. Но видят: стоит будочка, железом обитая. Заглянули внутрь — никого. Ну, рванули, ясное дело! Чтоб другим неповадно было. Только будочка-то эта принадлежала сторожу и стояла на законном основании. Бывают, конечно, накладочки.

А Иван Иванович сел на скамью подсудимых. Стали его судить, так у судей недоумение: какой же он бродяга, если жил на одном месте?

Ну, естественно, стали интересоваться деталями. Неужели целый год? А как же зимой? Спать-то не холодно было?

— Ну что вы! У меня три матраса, тремя одеялами накрывался — благодать!

Ну, а дочка? Сам-то под тремя одеялами, а почему алименты больше года не платил?

— Видите ли,— объясняет Иван Иванович,— деньги у меня, конечно, были, можно бы и послать, только на свалке почтового отделения не было...

Ответ, конечно, нельзя признать слишком удачным. И получил Иван Иванович по совокупности статей три года, несмотря на всю свою эрудицию.

Или возьмем такой сложный и противоречивый характер, которым обладает Анатолий Николаевич Абанмов. Сам он имеет высшее образование, любит точные науки, математику и физику, которые долгое время и преподавал в старших классах. Можно сказать, был аккуратен и педантичен, чему учил и других. А потом вдруг совершил ряд довольно легкомысленных поступков, которые несовместимы ни с математикой, ни тем более физикой. Во-первых, развелся с женой. Во-вторых, пошел купаться на озеро в Пятигорске, где у него украли документы. А диплом он потерял еще раньше.

А теперь скажите: разве есть такое учреждение, которое примет человека без документов?

Да, такое учреждение есть — это вытрезвитель. Вот туда и зачастил Анатолий Николаевич. В прошлом году наведывался он 14 раз. Как свой человек, пользовался кредитом и задолжал 210 рублей.

И вот аналогичная концовка — обвинительное заключение: «... ведет антиобщественный, паразитический образ жизни...».

Большая тяга к романтике встречается и среди дамского сословия. Настолько большая эта тяга, что вот, скажем, Надежда Михайловна Ижевская оставила двух несовершеннолетних детей на попечение родных, а сама путешествует по прекрасным местам Северного Кавказа: Прохладный, Нальчик, Баксан, Невинномысск, Армавир и т. д. Ну, ясное дело, нигде не работает. Иначе когда же путешествовать?

А конец этим путешествиям все равно такой же.

Вот я и говорю: жизнь как-то несправедливо к людям относится. Ей все равно: романтик ты, не романтик... 209-я статья УК РСФСР, и баста!

Хотя, впрочем, кой-кого она и жалует.

Вышел я из Минераловодского суда, покупаю газету «Кавказская здравница». Там, понимаете, заметка: «11 тысяч километров пешком». Один гражданин из Риги во Владивосток сходил. Причем довольно оперативно — за 8 месяцев. И никаких неприятностей, никаких приемников-распределителей. Повезло человеку!

Конечно, этого ходуна на сверхдальние дистанции автор не упрекает, тем более что он свой маршрут прокладывал, кажется, по историческим местам. Но что касается бродяг, которые живут на свалках, не ставя перед собой никаких возвышенных задач, то они заслуживают не хвалебной статьи, а именно 209-й, которая им и навешивается без долгих проволочек.

г. Минеральные Воды.

— Как, через голову начальства?!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

СОРТ

А ларчик просто... не открывался.

Рисунок М. УШАЦА

С. БОДРОВ, специальный корреспондент Крокодила

Рыцарь на мерине

Охрана встает рано. Еще петухи спят, а мерин Мальчик уже на ногах. Еще заря не разгорелась, а егерь Пастухов поехал на нем лес охранять.

Мальчик—гнедой, маленький, с длинной мордой. А в лесу пахнет свежим воздухом, хорошо в лесу. Тут и ягоды, и грибы, и кружок школьников-юннатов.

— Будь готов! — окликает их издали егерь.

Кружок хором делает ему салют и бежит навстречу. Пастухов спрыгивает с лошади, приникает, как Дерсу Узала, к сырой земле, смотрит на примятый лист и говорит детям:

— Видали? Семья лосиная прошла. Папка, мамка и детеныш. А вон косуля прыгнула. Очень нежное животное...

Пастухов — дока в лесных делах, лучший егерь области. Готов он сутками показывать следы да наброды зверей, где кто живет, чем питается. А у кружка рот до ушей, глаз вытаращен. Детям интересно.

От таких экскурсий есть несомненная польза. Пионерский молодняк возвращается из лесу не только с аппетитом, но также со знаниями о природе и любовью к животному. Вскоре натуралисты начинают волочь в лес пуды подкормки, сооружать привады, галечники, порхалища.

Дома, вечером, Пастухов пьет чай и восторгается такими делами. Дома у него русская печь с ситцевыми занавесками да плакаты по углам: скрипун-глухарь поет на дереве, кряква на яйцах сидит. И подпись:

«НЕ ПУГАЙ».

Отужинав, Пастухов сдувает крошки с голубой клеенки и достает чистый лист. Не терпится ему скорее сочинить про детей статью в райгазету.

Уж за полночь, окончена программа для полуночников, на небе светят звезды, спит мерин Мальчик, а Пастухов все пишет. Село Красный Рог — село литературное. Именно тут жил прекрасный поэт, драматург, граф-сатирик А. К. Толстой. Рядом — писатели Жемчужниковы. Они придумывали афоризмы...

Здешняя природа вдохновляет и по сей день. С. Е. Пастухов — селькор. И если б хвалил Степан Егорович пионеров или публиковал фенологические заметки: мол, вздулись почки, расцвел цветок иван-да-марьи, пора уж за малиной,— его талант быстро бы отметили. А если б еще к тому же ругал печатным словом ворон, бродячих кошек и собак — уж точно не миновать бы ему премии.

— Смел Пастухов! Как злободневно вдарил по воронам! Надо поддержать! — неслись бы возгласы.

Однако взгляд Пастухова на мир, на лес, на зверя и на человека заставляет выбрать его иную линию.

Вот спозаранку едет он на мерине по своему участку, глядит вокруг и размышляет. Полтыщи с лишним штук лицензий на отстрел лосей выдал облисполком в этом сезоне. Хотя ученые и областной охотовед Ватолин с научными данными в руках протестовали против такого немыслимо высокого количества. Нет, взяли цифру с потолка и выдали... Охота пострелять, что ли?

Охота.

Под выходной на пастуховский участок едет из старинного городка Почепа компания. Все начальники, всё при них: ружья, припасы, лицензии и тов. Болесный. А на обочине стоит лосиная семейка.

— Глуши мотор! — кричат охотники, вылезают из машины и бросают жребий: кому стрелять? Фортуна улыбается горячему работнику райкома Никуткину.

...Стоят в задумчивости лоси, жуют осиновые ветки и картофель, который приволокли пионеры. Трется об мамку детеныш, и папка тоже смотрит на нее и, вытянув морду, шевелит губами...

Стрелок подкрадывается вплотную и вмазывает по сохатому из двух стволов.

— Вива зверобою Никуткину! — орут охотники и, достав ножи, сдирают шкуру, рубят тушу, жарят на костре сырую печень.

И тут из леса некстати выезжает Пастухов на мерине.

— Ну-ка, Степан, закрой лицензию! — небрежно говорит тов. Болесный.— Вишь, мы тут лося повалили...

— Отстрел копытных на егерском участке без ведома егеря запрещен,— говорит Пастухов.

— Сдурел ты, что ли, Пастухов? Ведь я твой начальник — председатель райохотобщества Болесный!

— Будь вы хоть ге́нерал, а закон надо соблюдать,— отвечает егерь.— Лицензию не закрою.

И за бестактность по отношению к начальству получает выговор. Однако гнет свое: критикует низкую культуру членов охотобщества и благодушие руководства к фактам браконьерства.

«Наглеют браконьеры! — взывает егерь к вышестоящему начальству — председателю областного общества охотников и рыболовов тов. Пырникову и главному госохотинспектору тов. Жукову.— Поля вокруг моего участка изрезаны шинами автомобилей. Из-под фар стреляют зайцев, гоняются за косулями и кабанами. Вовсю идет истребление пушных зверей, копытных, птиц и рыбы...

...А также крайне тревожно положение с бобрами,— пишет Пастухов.— Варвары разрушают хатки, повсеместно ставят капканы на этого умного зверька — интеллигента леса, а потом шьют из него шапки. Прошу обратить внимание должностных лиц...»

Скажем сразу: ни в одном магазине страны не приобретешь ты, читатель, изделие из бобрового меха. Зверь крайне ценный, находится под защитой государства, весь состоит на учете. Но у кого совести мизер, пожалуйста, покупай бобровую шапку на «черном» брянском рынке у спекулянта-браконьера. На Брянщине торговлишка пушниной цветет буйно. Так буйно, что гражданка Морозова реализует даже шкуру белого медведя, которую прислал ей муж племянницы с острова Диксон.

И вот к Пастухову приходят охотники, рассаживаются по лавкам и, попив чаю, говорят:

— Опять Киря приехал... Соблазняет бобра-князька добыть да пару куниц.

— Кирюшин? — удивляется егерь.

— Ага, твой начальник — инструктор облохотобщества...

Ушам не верил егерь, пока Киря лично не подступился к нему с гнусным предложением. Тогда в шею вытолкал его из дома Пастухов, а мерин Мальчик к тому же случайно лягнул Кирю копытом. Жутко обиделся на это инструктор, и снова поимел егерь неприятности.

— Кирюшин — наш общий др[illegible] Твои руководители — кристально ч[illegible]тные люди! — воскликнули Пырников и Жуков.— Ты же кляузник и низкий человек! — И, топая на егеря каблуками, выгнали из кабинета.

А сами, чтобы успокоить нервы,— на отдых, на охотбазу «Палужье». Никто лучше зав. базой Чехова не умеет организовать настоящую охоту. Чтоб с легавыми, с пьянкой, с мордобоем, с

ВОСПОМИНАНИЯ...

Рисунок А. КРЫЛОВА

И это д

Прошлой осенью на территории Дарьинского лесничества (Уральская область) жило семейство бобров. Оно деятельно, в поте лица готовилось к зиме. В пойме Урала семейство спилило — разумеется, не пилой, а зубами — несколько верб, чтобы запасти себе корм на зиму. И вот когда бобр с бобрихой начали разделывать поваленные деревья, отделяя съедобные части и перенося их в свою подводную кладовку, появились штатные друзья природы — работники Дарьинского лесничества.

— Откуда дровишки? — увидев поваленные вербы, радостно воскликнул один.

— От бобров, вестимо,— отозвался второй.— Молодцы четвероногие, обеспечили нас топливом.

— А как же бобры? — отозвался первый друг природы, в ком совесть немножко теплилась.— Не помрут зимой с голодухи?

— Ништо,— отмахнулся второй.— Они труженики, повалят себе новые.

Из своего укрытия бобр и бобриха с грустью наблюдали, как люди, воспользовавшись плодами их трудов, пилили поваленные вербы на дрова.

— А жаль,— сказал первый друг природы, малость поуставший,— что бобры не могли уж и напилить-наколоть сами.

— Этого они не умеют,— сказал второй,— да и откуда им уметь: низшие существа. Давно отстали от человека в своем развитии.

...Ну, а этот призыв украшает дорогу между городами Иваново и Кохма. Двухметровые буквы сделаны из роскошных берез. Мертвые березы, сочась еще не вытекшим полностью соком, очень доходчиво убеждают, что природу нужно беречь даже от отдельных друзей природы.

Н. МОНАХОВ.

озорными песнями! Тут уж будет стрельба до утра...

Наутро директор Палужского дома отдыха, имея горький опыт, пламенно взывал через репродуктор к своим отдыхающим:

— Не ходите сегодня в лес, товарищи беременные и дети!

В лес пошли одни мужчины. Вскоре, перекошенные, прибежали обратно. Какая же лесная картина их так поразила? А вот какая: трава в крови, звериные головы там и сям разбросаны, мозги с выменем на сучках висят...

А Пастухов опять берется за перо, бичует недостатки на страницах. И ждет, когда же примут меры.

Меры принимают. Егеря бьют рублем, вызывают на трехсуточную отсидку в КПЗ и т. д.

И, робея, спрашивают природолюбы:

— Ведь это факт, что расплодились браконьеры, катастрофично снизилось поголовье лосей, гибнут бобры, рубят под корень брянский лес... Разве плохо, что Пастухов воюет с этим?

Конечно, хорошо. Даже отлично. Но только жить егерю становится так худо, что чернеет он лицом. А список его бедствий длинен до утомительности...

Но есть на свете и справедливость. Один из центральных органов печати подверг резкой критике охотничье руководство Брянской области. Специальная комиссия подтвердила неблагополучие дел, добрым словом отметила егеря Пастухова и выговорила тов. Пырникову и тов. Жукову.

Что же ныне?

Если раньше не целовалось со Степаном Егоровичем руководство, то нынче, покритикованное, вовсе смотрит на него с негодованием.

— Ох, мучаемся мы с Пастуховым! — скрипя зубами, вздыхают Пырников и Жуков.

Но по-прежнему рано поутру раздается стук копыт. Это егерь Пастухов бесстрашным рыцарем скачет на своем мерине сторожить фауну.

...рузья?

Фото читателей В. БОРИСЕНКО и В. ПРОЩИНА.

Феликс КРИВИН

БЕСКРЫЛАЯ ГАГАРКА

В 1833 году было убито 13 бескрылых гагарок, в 1834 году — 9, в 1840 или 1841 году — 3, а в 1844 году — 2 гагарки, последние, о которых упоминается, может быть, и вообще последние из этих птиц...

А. Брэм, вторая половина XIX века.

Улетела Бескрылая Гагарка, улетела и не вернулась назад. Натянула свой черный фрак на свою белоснежную жилетку и улетела, улетела навсегда. Улетела Бескрылая Гагарка.

Здесь, на севере, она заменяла пингвина, потому что пингвины на севере не живут. Хотя здесь такие же льды и холода, как на юге, но пингвины здесь не живут. Здесь их заменяла Бескрылая Гагарка.

Это было давно, еще в прошлом столетии. Последнюю Гагарку видели в 1844 году, а потом и она улетела. Улетела Бескрылая Гагарка. Улетела и не вернулась назад.

Говорят, ее убили охотники, как и всех других бескрылых гагарок. Но это неправда, этого не может быть: ведь она здесь, на севере, заменяла пингвина. Она ходила вперевалочку — в черном фраке и белой жилетке, как настоящий представитель пингвина, полномочный представитель. За что же ее убивать? Разве можно убивать полномочного представителя?

Она жила в холодных, непригодных для жизни местах, во всяком случае, малопригодных. Даже пингвин предпочитал жить на юге, а на север послал ее, чтобы она представляла здесь его интересы. И она представляла. Среди холода, стужи и льдов она представляла здесь его интересы. Не свои, а его интересы. За что же ее убивать?

Нет, конечно, это одни разговоры.

Просто она улетела — может быть, даже на юг, чтобы посоветоваться с пингвином и возобновить свои полномочия. Может, когда охотники начали там, на севере, стрелять, она улетела, чтобы вернуться в мирное время. А когда наступит мирное время, она вернется и будет по-прежнему ходить вперевалочку в своем представительском черном фраке, надетом на белый жилет,— в форме, в которой ходят все полномочные представители.

Она прилетит, конечно же, она прилетит, пусть только наступит мирное время! А оно наступит. Сколько б ни стреляли охотники, как бы ни охотничали они на земле, но мирное время наступит... И наступит оно тогда, когда прилетит назад Бескрылая Гагарка...

г. Ужгород.

В нашем заповеднике водятся:

дикие кабаны, дикие кошки, дикие козы...

...и дикие туристы.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ВДОЛЬ ДА ПО РЕЧКЕ...

Колышки на берегу

Люди мельчают, а реки мелеют. Тогда люди берут колышки и вколачивают их в землю по берегам обмелевшей реки.

— Сейчас на дне реки полигон для учебных занятий трактористов,— сообщают в прессе,— а скоро здесь, как в довоенные времена, заплещутся волны возрожденной реки Оскол. Потому что решено воздвигнуть на реке у города Новый Оскол плотину и шлюзы. Точно! И проект есть...

Новооскольчане бросаются в магазины спорттоваров и сметают с прилавков удочки, крючки, купальники и пляжные туфли. Самые дальновидные строят плоскодонки.

Проходит три года. Лодки рассыхаются, колышки втаптываются в грязь, мечты о полноводной реке испаряются.

Но что за жизнь без мечты? Поэтому «Белгородская правда» снова помещает статью о возрождении реки, которое не за горами. Снова ажиотаж, волнения, страсти. Снова вбиваются колышки, снова смолятся лодки, и уже некий житель Нового Оскола записывается в туристическую поездку в Голландию с одной только целью — приволочь оттуда ультрамодные плавки. И кто-то ночью клеит на заборах объявления: «Куплю спасательный круг...».

Но сухо!.. Сухо в русле. И одолевает горожанина вопрос: а не вбит ли кол на могиле с проектами строительства плотины на реке Оскол?

И. ЧЕРВЯКОВ.

День рыбы

— Разрешите вас пристыдить,— сказали руководители совхоза ребятишкам, ловившим рыбу в пруду.

— За что? — удивились дети.

— Как за что? — в свою очередь, удивились руководители.— Разве удочками ловят рыбу в наше время? Рыбу надо ловить бульдозером!

— Как это бульдозером? — не поняли дети.

— Осенью увидите. А сейчас сматывайте удочки!

Когда лето кончилось, к пруду, по-боевому лязгая гусеницами, двинулся бульдозер. Впереди шагали руководители совхоза.

Бульдозер прицелился, сковырнул плотину — вода вытекла, и рыба буквально посыпалась к ногам рыболовов.

Потом руководители совхоза «Коротыш», Ливенского района, Орловской области, сели в машину и, не попрощавшись, уехали. Вместе с рыбой, куда — неизвестно. Известны лишь их фамилии — Лутеков и Токарев.

Л. ЛОГИНОВ

На зависть модернистам

В городе Павлово течет речушка Тарка. То она рыжая, то зеленая, то бурая. Но это деятельность целых заводских коллективов...

А способности единоличника? Два ведра помоев и пара рваных калош в сутки плюс ржавая рама от прабабушкиного велосипеда перед большими праздниками — вот все, на что способен индивидуалист. Ну, а если еще и скопом навалиться? Если каждый житель из прибрежных домов станет крупногабаритную рухлядь сваливать на берегу? Что тогда?

Тогда на отмелях лысые шины вкупе с консервными банками образуют многоярусные композиции на зависть модернистам и их поклонникам.

Нечто подобное и наблюдается на берегах реки Тарки в городе Павлово.

Н. НИКОЛАЕВ.

З. ЮРЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

СПОСОБНЫЙ ЛИ Я?

Как же все-таки рано нынче открываются таланты! Иной малыш еще «р» как следует произнести не может, а уже спокойно щелкает алгебраические иксы и «игреки», вселяя в бабушек благоговейный ужас. Пятнадцатилетние ветераны плавания и фигурного катания с грустью подумывают о том, что пора уступать место молодым. В шестнадцать лет люди бросают курить, в восемнадцать сбривают бороды, а в девятнадцать разводятся.

Но бывает, что таланты обнаруживаются и значительно позже. Мне, например, уже под пятьдесят, а я без ложной скромности могу сказать, что только-только открыл в себе недюжинные способности криминалиста, юриста, а также ярко выраженные данные для занятия весьма высокого поста в райисполкоме. Впрочем, судите сами.

Перед участковым инспектором Никитовского районного отдела внутренних дел города Горловки лейтенантом милиции Алубиковым было две версии. Одна выдвигалась шофером Николаем Никитиным, его чадами и домочадцами. Другая — учителем рисования и черчения Юрием Вильчиком.

Шофер утверждал, что без малого пять лет тому назад вручил учителю изрядную сумму денег, за что учитель предоставил ему свою двухкомнатную квартиру, обещав вскорости устроить и ордер на нее. Ордер, однако, так и не материализовался, а вместо него двадцать пятого декабря прошлого года учитель с супругой и тремя помощниками предпринял решительный штурм квартиры в поселке Комарова с целью захвата ее. Пользуясь отсутствием шофера, который был на работе, и беременностью его супруги, нападающие смогли смять сопротивление девятилетнего Сашки и пятилетнего Славика и высадить в квартиру десант, вооруженный деревянными кроватями. В ожесточенной рукопашной схватке им удалось захватить одну из двух комнат, выкинув оттуда шоферские пожитки.

Это была версия Никитиных. Учитель Вильчик доказывал, что никаких денег за свою квартиру не получал, что сдавал ее чужим людям исключительно от душевной щедрости и что просто возжелал вернуться в нее. Далее учитель объяснял, что оказался двадцать пятого декабря в злополучной квартире не то чтобы по приглашению Никитиных, но и не совсем самовольно, что дети Никитиных, увы, воспитаны плохо и все время путались под ногами, а мамаша их грубо хваталась за свои вещи и ему, учителю, пришлось деликатно брать ее за ноги и за руки и терпеливо переносить на другое место.

Лейтенант Алубиков свидетелей сражения не нашел, склонился к версии учителя и в возбуждении против него уголовного дела Никитиным отказал. Прокурор района поддержал лейтенанта, а заместитель председателя Никитовского райисполкома поддержал прокурора. Никитины написали в «Крокодил».

И вот я в Никитовском отделе внутренних дел.

— Ну как,— спрашиваю,— лейтенант Алубиков? Хороший офицер?

— О,— одобрительно покачало головами начальство,— криминалист!

Я поплелся на место сражения. На душе было невесело. Надеяться дилетанту найти свидетелей, которых не нашел опытный криминалист, было более чем наивно.

Через полчаса я не верил своим глазам и ушам. Один за другим находились свидетели достопамятного сражения. Дверь в квартиру тогда была распахнута, оттуда доносились грохот и крики, и человек пятнадцать соседей видели перипетии боя. Они видели, как учитель Вильчик и его супруга Лилоян срывали с окон шоферские шторы, сдергивали со стены коврик, ломая, выкидывали мебель. Они видели, как нападавшие пнули пятилетнего Славку, как бросалась на беременную женщину супруга учителя.

Я шел в районную прокуратуру, чувствуя себя Шерлоком Холмсом или на худой конец инспектором Мегрэ. Мне хотелось, подобно знаменитому сыщику с Бейкер-стрит, поиграть на скрипке и неторопливо набить инспекторскую бессмертную трубку. Мне также хотелось прочесть своими глазами постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, составленное три с лишним месяца назад криминалистом Алубиковым.

Я читаю и снова не верю своим глазам. Человек без какого бы то ни было юридического образования сразу увидит все нелепости постановления, которых не заметили прокуроры. Речь в нем шла об одном только Вильчике, остальные участники десанта не упоминались. Самовольное вселение называлось «возникшей ссорой». Никитина, оказывается, сама «причинила себе легкие телесные повреждения». И, наконец, приведенные статьи Уголовно-процессуального кодекса УССР говорили о примирении и отсутствии состава преступления.

Заместитель прокурора Горловки Николай Никонович Довбня, исполнявший временно в декабре обязанности прокурора Никитовского района, вопросительно смотрит на меня, тяжело вздыхает и качает головой.

— Да-а,— говорит он,— некрасиво получилось... Самоуправство...

— Да,— кивает помощник прокурора Никитовского района Новиков,— отказ обжалуем, отправим на дополнительную проверку.

Я иду по Горловке, надувшись от гордости. Такие юридические у меня таланты, такое тонкое знание закона! Я бросаю по сторонам строгие взгляды, и глаза у меня сверкают строгим прокурорским блеском. Мне хочется осуществлять надзор, мне хочется указывать на недостатки прокурорским перстом.

Я иду к учителю рисования и черчения Юрию Александровичу Вильчику. Как выдающийся сыщик, я занимаюсь по дороге дедукцией и индукцией. Человек он, наверное, хрупкого сложения, думаю я, поскольку во время сражения с беременной Никитиной сам получил легкие телесные повреждения, а противнице нанести их не мог, и той, если верить лейтенанту Алубикову, пришлось причинять их себе самой. Это вывод номер один. Второй вывод — Вильчик, должно быть, только что вернулся откуда-то с Севера. Ну, если и не с самого Северного полюса, то из-за Полярного круга наверняка. Работая там, он, надо полагать, получил бронь на квартиру в Горловке и сдал ее. Иначе как может человек пять лет подряд сдавать свою квартиру? Неужели же есть люди, которым не нужны квартиры?

И вот я сижу и смотрю на учителя. Красавец баскетбольного роста. Ни на каком Севере он не был, просто квартира была ему не нужна, потому что жил он все это время в двухэтажном домике, принадлежащем матери жены. Получал ли какие-нибудь деньги за квартиру? Да что вы, за пять лет ни копейки. Исключительно из соображений гуманности.

С трудом удерживаюсь. Хочется вскочить и низко поклониться. Так поступает настоящий учитель.

Иду в райисполком к заместителю председателя товарищу Мове. Когда к нему в свое время пришли Никитины и начали рассказывать, что заплатили за квартиру, Анатолий Антонович очень разгневался. Не смейте оскорблять людей, сказал он, а то я вас при...

За что товарищ Мова хотел их «при», Никитины не узнали, потому что поспешили на всякий случай из кабинета ретироваться. Кому хочется, чтобы его «при...»? А Анатолий Антонович — человек в районе уважаемый и зря слов на ветер не бросает.

Я шел к товарищу Мове и думал, что сказал бы Никитиным, будь я заместителем председателя райисполкома. Я бы встал из-за стола и вышел им навстречу.

— Успокойтесь, дорогие товарищи,— вежливо сказал бы я в лучших райисполкомовских традициях,— садитесь. Разумеется, сейчас я ничего не могу вам сказать об этих деньгах, это дело следствия и суда, но можете не волноваться — мы все стоим на страже закона. Не беспокойтесь, на улицу вас никто не выбросит. К тому же существует закон, по которому квартировладелец, если он не живет в своей квартире больше определенного срока,— а срок этот в вашем случае давно прошел,— теряет на нее право. В том, разумеется, случае, если у него нет брони. И это справедливый закон, ибо если одному человеку квартира не нужна, а нужна другому, то нужно ее дать нуждающемуся.

Так я думал, идя в райисполком и воображая себя товарищем Мовой. Вернее, не просто Мовой, а Мовой, так сказать, в идеале, таким Мовой, каким Мове следовало бы быть.

Увы, Анатолий Антонович оказался в командировке, зато в райисполкоме почти рядом с его кабинетом я увидел кабинет А. А. Лилоян. Знакомая фамилия... Неужели это супруга учителя Вильчика?

И тут, как писали в старых добрых романах, страшная мысль мелькнула у меня в голове. А может быть, никаких у меня криминалистических, юридических и административных талантов вовсе и нет? Может быть, и милиционеры, и прокуроры, и райисполкомовцы все знали и понимали не хуже меня? Может быть, лейтенант милиции Алубиков не столько искал свидетелей, сколько прятался от них? Может быть, прокуроры не столько пронизывали суть дела взглядом, сколько отводили взгляд в сторону? Может быть, Анатолий Антонович Мова грозился «при...» Никитиным вовсе не потому, что они этого заслуживали? Может быть, все дело в географической близости двух кабинетов?

— Вы знали, что Никитина беременна? — спрашиваю я Аллу Арамовну Лилоян.— И что ей сделали операцию, потому что плод не развивался, как пишут врачи, «в связи с психической и физической травмой судебного характера»?

— Не нужен ей был третий ребенок, это они все, чтобы зацепиться за квартиру. А операция — мало ли из-за чего делают операции...

Я встал и тихо вышел. Нельзя же долго отвлекать от дел инспектора районного отдела народного образования...

Да, тяжело расставаться с иллюзиями. Только вообразил себя талантливым сыщиком-самоучкой и прокурором-общественником, как получил щелчок по носу.

А вдруг все-таки я способный? Вдруг я мог бы быть даже тем, кто пришлет ответ в редакцию на этот фельетон? На его месте я бы ответил так: факты подтвердились. Товарищу Мове дано указание сообщить прокурору о желательности посоветовать начальнику райотдела милиции порекомендовать лейтенанту Алубикову ознакомиться в свободное время с подходящими статьями уголовно-процессуального кодекса.

Ведь здорово все-таки, а? Сурово и по делу. Что ж, посмотрим. Как поет вокальная группа «Самоцветы», «...вся жизнь впереди — надейся и жди».

г. Горловка.

— Что же вы? Хвалили-хвалили дороги и вдруг замолчали?..
— Язык прикусил...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

В. ЛЮСИНОВ

ОРУЖЕЙНЫЙ БАЗАР

Мой сосед напоминал подтянутого джентльмена с рекламных плакатов швейцарского «Сюисс бэнк». Те же безупречно белая сорочка, строгий шерстяной костюм и чемоданчик «атташе-кейс».

— Теренс Мак-Буллет-младший,— представился он, щелкнув замком пристяжного ремня.— Каждый раз, когда я лечу в Европу, я даю себе торжественную клятву в будущем путешествовать только океаном. Свежий воздух, бар, бассейн — только сумасшедшие вроде нас с вами могут променять все это на несколько часов унылого сидения где-то между небом и водой.

Однако передумывать было уже поздно. Самолет выруливал на взлетную дорожку международного аэропорта Нью-Йорка. Впереди были именно те несколько часов над океаном, о которых говорил сосед. «Мак-Буллет, Мак-Буллет...»

— Да уж не тот ли вы Мак-Буллет, который прославился тем, что купил по дешевке у Пентагона полсотни списанных танков, а потом продал их Родезии по сорок тысяч за штуку? — уже вслух спросил я.

— Ну что вы, это был мой отец. А я пока всего лишь председатель совета директоров одного из отделений нашей фирмы. Я занимаюсь только стрелковым оружием.

— И как идут дела?

— Фифти-фифти,—засмеялся он,— пятьдесят на пятьдесят.

— Неужели риск так велик, что вам приходится ставить на карту половину капитала?

— Ничуть не бывало, на языке торговцев оружием пятьдесят на пятьдесят означает 2 500 долларов на каждые вложенные полсотни.

— Кто же платит такие деньги? — изумился я.

— Мир не без богатых людей,— уклончиво ответил Мак-Буллет, чуть расслабляя дорогой галстук.— Кому-то надо вооружить ракетами «земля-воздух» дворцовую стражу, кто-то собирается нанять армию, третий готовит переворот, четвертый просто коллекционирует самоходные орудия. Да вы, похоже, журналов не читаете!

И Мак-Буллет протянул мне новенький номер американского журнала «Тайм». На фоне не то взрыва фугаса, не то извержения вулкана среднего калибра не очень чистая рука держала отливающую вороненой синевой американскую автоматическую винтовку. «Мировая торговля оружием. Пушки для кого угодно» — было начертано на обложке. Семистраничная статья, перемежаемая рисунками и фотографиями, нашпигованная цифрами и фактами, захватывала воображение. «За последнее десятилетие торговля оружием выросла на 550 процентов и достигает 18 миллиардов долларов в год... Стремление Вашингтона продавать как можно больше оружия уже приводило и может опять привести к тому, что американские орудия вновь будут стрелять друг против друга... Большинство западных правительств поощряет частных торговцев оружием расширять клиентуру — военные атташе в их посольствах располагают специально отпечатанными рекламными каталогами крупнейших производителей оружия и действуют в качестве их коммивояжеров... Только в прошлом году американское правительство и Пентагон санкционировали продажу оружия в 136 стран на общую сумму в 8 300 миллионов долларов...» — и это только на первых двух страницах.

— Вот это размах!

— Ну, что вы! — Мак-Буллет был доволен произведенным эффектом.—Это только верхушка айсберга. На самом деле торговля оружием значительно шире и главное — прибыльнее. Это такая жила, что на ней даже небольшая фирма вроде нашей может процветать. А каких финансовых деятелей, каких орлов выдвинуло из своих рядов славное племя торговцев оружием! Начать хотя бы с Базиля Захарова, «бегло лгавшего на восьми языках» — коммивояжера фирмы Виккерс, снабжавшего оружием обе враждующие стороны в англо-бурской войне, в балканских войнах, наконец, в первой мировой войне! А его последователи — Сэмюэль Каммингс и Мишель Кокин, Герхард Мертинз и десяток других..

— Простите, что перебиваю, но разве вас не смущает, что проданное оружие рано или поздно начинает стрелять? Гибнут люди...

— Зачем же брать крайности! В конце концов человека можно задушить и подтяжками, но это же не значит, что мы должны поддерживать брюки руками! Прежде всего мы, как всякая коммерческая организация, должны заботиться о прибыли. Злые языки, правда, утверждают, что наше оружие служит многим диктаторским режимам как единственная опора в борьбе с демократией. Но, во-первых, пусть уж лучше демократия гибнет от пуль, отлитых в самой демократической стране свободного мира, а, во-вторых, тот факт, что эти диктатуры еще держатся у власти, наилучшим образом доказывает высокое качество американского оружия.

— А что, если кто-нибудь использует это оружие против ваших собственных союзников?

— Превосходно! В таком случае нашим союзникам не придется беспокоиться о боеприпасах и запасных частях к выведенным из строя танкам, пушкам, самолетам. Их можно будет получать прямо на поле боя у противника. Стандартизация — великая вещь! Поставим оружия обеим конфликтующим сторонам — самое выгодное в нашем деле!

— М-да... А вы знаете, мистер Мак-Буллет, слушая вас, я вспомнил одну занятную историйку из жизни дикого Запада.

— Любопытно. Обожаю исторические параллели.

— У одного лавочника [illegible] шли весьма туго до тех пор, [illegible] он не додумался чуть ли не дар[illegible]быть в городке добрую сотню подержанных винчестеров. Уже через месяц в городе стояла дикая стрельба, а у ворот его лавки — очередь за браунингами и смит-вессонами. Даже пулеметы шли нарасхват. Будь цел тот городок, вашей фирме стоило бы открыть там свое отделение.

— А что с ним сталось?

— Да так, несчастная случайность. Лавочник завез на склад тонны три динамита. Думал начать торговлю шашками. Об этом прослышали две враждовавшие семьи и утром явились к дому торговца за взрывчаткой. Началась стрельба, и шальная пуля продырявила ящик с запалами...

— Заходите, заходите... Располагайтесь, как дома!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

РИМ. Владелец крупной ювелирной фирмы Джанни Булгари недавно был похищен неизвестными и отпущен через месяц — после уплаты выкупа в два миллиона долларов.

«По моему опыту и опыту других,— сказал синьор Булгари, когда его нашли связанным в маленьком «фиате»,— я могу утверждать, что киднэппинг стал в наше время самой настоящей отраслью индустрии с солидной базой».

Остается добавить, что это единственный бизнес в Италии, не пострадавший от спада.

КОАТСВИЛЛ (США). Власти местного школьного округа заявили, что разрешили использовать в школах прибор для установления степени опьянения: немало учеников приходят на занятия пьяными.

КАРАКАС. Нового американского посла в Венесуэле Гарри Шлаудемана на аэродроме встречали 300 человек. Правда, все они молчали и более внимательно смотрели по сторонам, чем на гостя. Все триста были агентами полиции, командированными для защиты посла от гнева венесуэльцев. Дело в том, что Шлаудеман причастен к свержению правительства Альенде в Чили, а еще раньше он участвовал в организации вторжения американской морской пехоты в Доминиканскую Республику. Вот почему появление Шлаудемана в Венесуэле больше напоминало боевую операцию, чем приезд посла к новому месту работы.

НЬЮ-ЙОРК. Американский психиатр доктор Роберт Каллес, выступая на конгрессе психиатров, высказал мнение, что одной из главных причин ухудшения здоровья американцев является... сама система здравоохранения. Дело в том, что счета за лечение, представляемые врачами своим пациентам, настолько велики, что «часто вызывают тяжелые психические травмы».

У меня в гостях
«Дол...щик»

Надежда на кротов

Дорогой Крокодил! Ты в животном мире, если так можно выразиться, свой парень. Может быть, тебе удастся сформировать бригаду кротов, которую мы бы подрядили прорыть туннель под железнодорожной магистралью, пересекающей наш поселок? Магистраль очень бойкая, переходить ее всегда опасно. Найти организацию, которая прорыла бы туннель, не удалось. Одна надежда на бригаду шабашников-кротов.

К. Иванов, пос. Матвеев Курган, Ростовской области.

Крокодил опросил всех знакомых кротов, желающие среди них нашлись. Однако кроты предупредили, что ввиду отсутствия у них средств механизации прокладывать туннель они могут только черепашьими темпами.

Получив такое разъяснение, Крокодил решил узнать, неужели нельзя обойтись без помощи кротов. Вот какой получен ответ:

Редакции журнала «Крокодил»

Матвеево-Курганский исполком районного Совета депутатов трудящихся в течение 20 лет неоднократно обращался в Министерство путей сообщения, в управление Донецкой железной дороги.

В 1966 году Министерство путей сообщения СССР уведомило исполком райсовета, что вопрос о строительстве пешеходного моста будет рассмотрен при разработке планов капитального строительства на 1968—1970 годы.

В 1969 году министерство сообщило, что вопрос будет рассмотрен при разработке планов на 1970—1975 годы.

В 1974 году министерство уверило, что вопрос будет рассмотрен при разработке планов на 1976—1980 годы.

А люди по-прежнему подвергаются опасности. Матвеево-Курганский исполком райсовета депутатов трудящихся просит редакцию журнала «Крокодил» оказать нам помощь, чтобы Министерство путей сообщения СССР от бумажной переписки перешло к конкретным делам.

Председатель исполкома райсовета Д. И. Прилуцкий.

Как говорят железнодорожники, даже самый медленный поезд все-таки приходит. Но это возможно лишь в том случае, если не будет бесконечно откладываться его отправление.

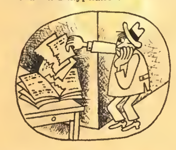
Крокодил просит министерство сообщить, согласно ли оно принять помощь бригады кротов.

Примите и проч...

Письмо из редакции

Исаеву Илье Львовичу, благоразумно укрывшемуся по адресу: Новосибирск, п/о 630099, до востребования.

Вы пишете: «Прошу просмотреть мои произведения на предмет опубликования в журнале».

Просмотрели и убедились, что вы переписали из старых номеров «Крокодила» афоризмы, анекдоты и юморески, причем очень аккуратно, без единой грамматической ошибки. Это приятно. Кроме того, заметно, что вы человек с хорошим литературным вкусом, поскольку отобрали для присвоения очень смешные вещи. Вообще так и должно быть. Хорошо известно, что плагиаторы, как правило, тонкие ценители. Если литературное произведение удостоилось чести быть украденным, значит, это стоящая вещь. «Тот не литератор, кого ни разу не обокрали!» — радостно воскликнул В. Коняхин, один из обворованных вами авторов.

Ваше письмо, любезнейший Илья Львович, будет учтено при распределении премий авторам лучших произведений.

Крокодил

Всё о том же

Королева Марго и женщины в синем

В заметке «Королева Марго» за бортом!» (№ 10) капитан теплохода «Кыпу» В. Ванин сокрушался, что дельфины не собирают макулатуру, которая в изобилии сбрасывается за борт с теплоходов (подшивки газет, отчеты, рапорты, объяснительные, ведомости и т. д.). «Если бы... дельфины,— мечтал капитан,— настолько поумнели, чтобы собирать макулатуру и сдавать ее куда полагается! Сколько «Королев Марго» они могли бы получить взамен!»

Если бы дельфины сдали макулатуру у нас в Ленинграде, не видать бы им ни «Королевы Марго», ни «Женщины в белом», ни другой занимательной литературы. Женщины в синем, работающие на приемных пунктах, выдали бы дельфинам только талончики. В нашей квартире накопилось талончиков за 200 сданных килограммов макулатуры, а книг нет. Где талончики можно обменять, скажем, на романы Сименона, не установит даже комиссар Мегрэ. А действительны талончики, между прочим, до 1 июля.

В. Васильева, Ленинград.

Уважаемая тов. Васильева! Могу дать вам и другим ленинградцам только один совет. Копите талончики, и когда их наберется достаточно много, вновь сдайте на вес как макулатуру. Глядишь, к тому времени объявится «Женщина в белом» или Сименон со своим Мегрэ.

А вот москвичам, право, и не знаю, что посоветовать. Здесь в некоторых приемных пунктах нет даже талончиков. Тоже, оказывается, дефицит!

Уголок эрудита

Впереди экзамен

В фельетоне Ю. Борина «Охота на «стрижа» (№ 9) упоминается город Анджеро-Судженск. Нет такого города. А вот Анжеро-Судженск есть.

В. Атаманюк, г. Киев.

Вы правы. После получения вашего письма автору фельетона было предложено вторично сдать экзамен по географии. Посмотрим, что из этого выйдет.

Врут календари...

Не надо волноваться!

В заметке «Самый короткий год» (№ 10) сообщалось, что месяц май в табель-календаре, выпущенном Гознаком, содержит всего 30 дней вместо привычных 31. Заметка взволновала пятиклассника Петю Коростылева из Челябинска, который пишет: «Я очень люблю свою маму, и очень жалко мне, что Международный год женщины будет на день короче».

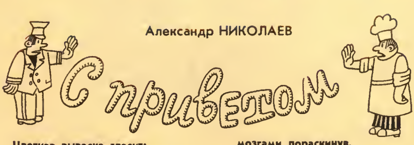
Взрослые читатели, откликнувшиеся на заметку, прислали в редакцию несколько календарей, в которых тоже имеются отклонения от традиционного летосчисления. Например, жительница Кишинева В. М. Аюджи приложила к своему письму карманный табель-календарь, отпечатанный 2-й типографией. В нем ноябрь начинается со 2-го числа, а какова судьба первого дня этого месяца, покрыто мраком неизвестности. Б. Зинков (г. Владивосток) прислал календарь, в котором не хватает 30 апреля.

Зато порадовал П. Старн (г. Рига), подаривший редакции перекидной календарь издательства «Лиесма». В нем апрель насчитывает 31 день.

Чтобы поставить точку над i, мы обратились с запросом в ООН, объявившую 1975 год Международным годом женщины. Нам официально сообщили, что этот замечательный год будет состоять из 365 дней. В апреле, как уже знают читатели, было 30 дней, а не 31, в мае — 31, а ноябрь все-таки начнется с 1-го числа, а вовсе не со 2-го. В этом также убеждает ответ начальника Гознака тов. Н. П. Хрушкова, который сообщил, что ошибка в их календаре допущена цехом ширпотреба Ленинградской бумажной фабрики «в результате нарушения начальником цеха тов. Кривилевой И. И. порядка подготовки, оформления и выпуска изданий и отсутствия контроля со стороны главного инженера фабрики тов. Антонова Л. М. Виновные в допущенных нарушениях наказаны. Главное управление Гознака приносит извинения лицам, купившим календарь с ошибкой».

Итак, дорогой Петя Коростылев, ты можешь поздравить свою маму с полноценным Международным годом женщины.

Александр НИКОЛАЕВ

У нас в конторе был буфет,
теперь буфета нету,
но рядом есть кафе «Привет»
и магазин «Диета».
И я, когда настал обед
(мне ни к чему диета!),
решил рвануть в кафе «Привет»,
имея час на это.

Но был напрасен мой порыв.
Стою, глазам не верь,
перед табличкой:
«Перерыв».
Бегу в другие двери:
— Пустите, братцы!
Мне в ответ
сказал швейцар в ливрее:
— У нас закрыто на обед!
Я в третью дверь скорее.
Там, ножкой стула дверь закрыв,
дискуссию итожа,
ответил сторож:
— Перерыв!
И мы ведь люди тоже!

Цветная вывеска гласит:
ЗАКУСКИ, ПИВО, ВОДЫ.
И, чтоб разжечь нам аппетит,
висит меню у входа.
А на витрине
колбасу
свинья несет на блюде.
Глядят на эту всю красу,
глотая слюнки, люди.
Что толку в вывесках,
в меню,
обильном и красивом,
раз подложили нам свинью
нелепым перерывом!
Но отогнал я мысль, как бред,
мозгами пораскинув,
что ничего нелепей нет,
чем перерывы на обед
кафе и магазинов.

Нет, кое-что нелепей есть.
И вот я представляю,
как все синхронно стали есть
водители трамваев.

Как с ними вместе на обед,
являя властный норов,
зовет недремлющий брегет
автобусных шоферов.
Как, к ним пристроившись хитро,
обед на плоском блюде
несут работники метро:
они ведь тоже люди!
Как пассажиры все бегут
к пустым таксомоторам:
ведь время подошло и тут
обедать всем шоферам.
Как, дружно в руки ложки взяв,
пыхтит над щами жарко
весь подвижной людской состав
троллейбусного парка.
И — в довершение всех бед —
подумал я о том еще,
как все уходят на обед
шоферы «Скорой помощи».
Какой бы в городе у нас,
представьте на минутку,
настал бы сразу мертвый час!
Подумать даже жутко.
Но, слава богу, горсовет,
был мудр в вопросе этом...

Кафе «Привет»
мне шлет привет,
и я иду с приветом.

Человек и время

ПРОХОДНАЯ
ОТК
МЕДПУНКТ
ПИВО
Союзпечать

О ЧЕМ МЫ ВЕДЕМ ЗДЕСЬ, ТОВАРИЩИ, РЕЧЬ?
ЧТО ВРЕМЯ, ТОВАРИЩИ, НУЖНО БЕРЕЧЬ!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Каждая голова откормленного бычка составляет более 400 кг».

(Из телепередачи).
Прислал Я. Абсатаров, Башкирская АССР.

«Выявлено 2 950 нарушений правил дорожного движения работниками ГАИ, работниками РОВД — 1 030, общественностью — 770».

Газета «З[illegible] Нязепетровский район, [illegible]лябинской области.

«Установить для лучшего охвата студентов электрожаровню».

(Из плана мероприятий столовой).
Прислал И. Мануха, г. Магнитогорск.

> Утеряны два обеденных стола в упаковке. Нашедших просим сообщить в Ключевское торговое объединение.

Газета «Вперед», г. Троицк

«14 февраля в 10-30 водитель Тараненко поставил автобус из-за технической неисправности и не принял мер, исключающих самопроизвольное движение. Автобус сам ушел за водой и по дороге сломал чугунное ограждение и 3 бетонных тумбы, не говоря уже о своих повреждениях».

(Из протокола).
Прислал А. Сиденко, г. Хабаровск.

Заметки фенолога

«Грачи рано прилетели — к теплой весне».

Газета «Труд».

«Грачи рано прилетели — быть холодной весне».

Газета «Сельская жизнь».

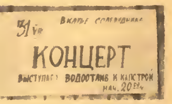

Фото И. Сащенко. г. Берегово.

«Если ты сидишь на уроке иностранного языка и тебе надо уйти с урока, то просись на языке, на котором ты сидишь».

(Из телепередачи).
Прислал В. Трифонов, г. Куйбышев.

«После нанесения друг другу физических оскорблений все успокоились и разъехались по домам».

(Из объяснительной записки).
Прислал С. Пыхтин, г. Хабаровск.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«НЕКРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

Как сообщила секретарь Крымского обкома КПУ тов. Н. Абрамова, фельетон Г. Марчика «Некриминальная история» («Крокодил» № 7) обсужден на бюро Ялтинского городского комитета и на секретариате обкома Компартии Украины.

«Факты, изложенные в фельетоне,— говорится в письме, — признаны правильными.

Обращено внимание Ялтинского горкома Компартии Украины на недопустимость рассмотрения подобных персональных дел коммунистов непосредственно на бюро горкома партии, минуя первичную партийную организацию, а также поручено секретарю горкома партии довести до сведения первичной партийной организации санатория имени Куйбышева решение горкома партии по персональному делу.

Секретариат обкома Компартии Украины обязал Ялтинский горком Компартии Украины усилить работу по воспитанию коммунистов в духе строгого выполнения требований Устава КПСС, соблюдения государственной дисциплины и морально-этических норм».

«ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ГЛУПОСТИ»

В фельетоне Мих. Львовского под таким названием говорилось о сложности оформления заказов на ремонт и техническое обслуживание автомашин в городе Днепропетровске. Например, чтобы вставить стекло подфарника, нужно было подать заявление, получить несколько бумаг, заплатить в бухгалтерию 20 копеек, расписаться девять раз, и тогда мастер вставит это стекло за... три минуты. («Крокодил» № 5).

Как сообщает заместитель министра автомобильного транспорта УССР тов. Н. Трошин, в настоящее время разработана и внедряется на всех предприятиях «Укрглававтотехобслуживания» новая сокращенная документация, которая упрощает оформление заказов и сокращает время расчета с заказчиками.

черным по белому

ПОДАВАЙТЕ ВАШИ РАЦПРЕДЛОЖЕНИЯ!

Рисунок В. САФРОНОВА

Рисунок А. БАВЫКИНА

— Ну что ты за мной целый день ходишь? Не буду меняться!

Рисунок В. ШКАРБАНА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Р. БАЛАБАНОВ
(Болгария)

Груши на вербе

На нсходе пятнадцатн лет упорнейших трудов на вербе, что безмятежио шелестела листьями во дворе научио-исследовательсного института по грушеведению, вырослн груши.

Событне было сенсацноиным.

В нистнтут нагряиулн спецы плодоводческих иаун.

— Но ведь они такие кислые! — сморщился один.

— И страшно твердые! — прошепелявил другой, который, пробуя новый фрукт, сломал себе передний зуб.

— Что-то уж семена больно крупные! — высказался третий, выплевывая на землю нечто похожее на пуговицу от дамского пальто.

— А кожнца, я вам скажу, что листовая сталь! Даже свиньи не станут их потреблять...— смущенно заметил четвертый.

Тут в разговор вступил первооткрыватель:

— Возможно, вы в чем-то правы. Однако не забывайте одного: это же гр-у-ш-и, полученные от в-е-р-б-ы! Можете осмыслить? Груши, выращенные на вербе! Это значит, что сбылась тысячелетняя мечта человечества!

И он поспешно процитировал несколько довольно далених от темы народных пословиц и поговорок. Спецы послушно закивали седовласыми головами.

А первооткрыватель удалился в свой кабинет и тут же засел за работу. Требовалось увелнчнть урожайность грушн с гектара вербы, что обеспечило бы ему защиту диссертации ив звание доктора вербогрушевых иаук.

Наступал золотой век для института.

Перевел С. САФИУЛЛИН.

УЛЫБКИ

— Скажите, что заставляет вас так напиваться каждый день? — спросил врач у пациента.

— Что вы, мсье,— хмыкнул пациент,— ничто и никто меня не заставляет. Я доброволец.

●

В школу пришел новый ученик, который заикался.

— Ты посещал специальную школу для детей с дефектами речи? — спросила учительница.

— Нет,— ответил мальчик,— это у меня сделалось само.

●

Полисмен помог подняться с земли пьяному, пострадавшему в драке.

— Вы можете охарактеризовать человека, который вас ударил? — спросил он.

— Я как раз этим и занимался, когда он набросился на меня.

●

Молодой человек привез своей тетушке в подарок барометр.

— Большое спасибо за подарок,— сказала тетушка,— только зря ты так легкомысленно разбрасываешься деньгами. Зачем нам барометр? Господь уже позаботился, чтобы у твоего дяди был ревматизм.

●

Жена пытается научить собаку служить. Муж замечает:

— Так у тебя ничего не выйдет, дорогая.

— Ничего,— отвечает жена,— поначалу у меня с тобой тоже ничего не получалось.

●

— Так, значит, ты женат уже тридцать лет? Честное слово, ты заслуживаешь медали.

— Ну, если бы ты знал мою жену, ты не говорил бы так, а сразу наградил меня крестом за храбрость.

●

Два приятеля делятся планами на будущее.

— Я решил открыть ювелирный магазин,— говорит один.

— Неужели у тебя столько денег?

— Пока нет, но зато у меня прекрасный набор отмычек.

ГДЕ СОБАКА ЗАРЫТА...

За последнее время в Ялте собак развелось множество. И вот, чтобы они не портили пейзажа, местные власти приказали коммунальникам выловить бродячих псов.

Дальше так: непосредственный исполнитель этого указания шофер «Ялтакоммунтранса» Окшин едет на спецмашине и видит: поперек дороги лежит огромный пес.

Изловчился Окшин, поймал его и потащил к фургону.

— Сторожевых собак ловить! — закричал появившийся откуда-то сторож ялтинского предприятия «Крымэнерго» и кинулся отбивать попавшего в беду четвероногого друга. Моральную поддержку оказал сторожу шофер «Крымэнерго».

Не выдержав натиска превосходящих сил, Окшин отпустил собаку. В своем заявлении он указывает, что сторож наносил ему удары, а шофер «Крымэнерго» всячески оскорблял. Это подтверждено письменным свидетельским показанием.

Главный инженер «Ялтакоммунтранса» Рогальский, прежде чем передать дело органам милиции, решил поговорить с директором ялтинского предприятия «Крымэнерго» Усачевым.

Небрежно полистав заявление и свидетельские показания, Всеволод Филиппович иронически улыбнулся и сказал Рогальскому:

— А ты знаешь, что такое «Крымэнерго»? — И, помолчав, добавил: — Ну, ничего, еще узнаешь.

И точно! Едва Рогальский успел вернуться на свое предприятие, как следом за ним явился представитель энергосбыта Шепет. Критически осмотрев предприятие, Шепет заглянул в небольшую комнатушку, громко именуемую электроцехом, и строго сказал:

— Розетка не на месте, деревянный щит на полу узковат. Отключим ваше предприятие!

— Проявите милость,— взмолились коммунальники,— мы же ночью работаем. Нарушение-то пустяковое, за час устранить можно.

— Вы что? Меня, энергетика, учить собрались? — возмутился Шепет и единым махом отключил все энергоснабжение.

А в четыре часа утра, когда полторы сотни человек явились на свои рабочие места, чтобы подготовиться самим и привести в готовность технику для механизированной уборки, в темноте ни переодеться, ни масла залить в машины они не могли. Вечером, закончив уборку, они не смогли и помыться.

Никакие доводы коммунальников на повелителей тьмы и света не действовали до тех пор, пока вопрос не перешел в высшие городские инстанции. Мгновенно прозрев и подавив гордость, Шепет включил свет.

Правда, теперь Усачев и Шепет в один голос твердят: вы не связывайте отключение света с поимкой собаки. Были нарушения в коммунальном электрохозяйстве, при чем же тут собака? И где вообще собака зарыта?

А действительно — где?

г. Ялта. Н. МАССАРОВ.